

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

№ 10.

СУББОТА, 15-го МАЯ 1876 ГОДА.

ЗАПСКА О ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ СЕМИНАРІИ ¹⁾.

(По Семинарскому архиву).

(Продолженіе).

Послѣднее заявленіе врача открываетъ намъ другую сторону зла, за которую вина уже прямо падаетъ на тогдашніи власти. Дѣлать то, что можно сдѣлать, лежитъ на обязанности всякаго начальства. Между тѣмъ, изъ множества архивныхъ семинарскихъ дѣлъ, прочитанныхъ нами, мы нигдѣ не видѣли, чтобы семинарское Начальство, хоть когда бы нибудь, шевельнуло своимъ языкомъ касательно условій здоровой жизни учениковъ училища и Семинаріи. Все вниманіе Правленія поглощено было однимъ — развитіемъ искусства въ полуразвалившихся зданіяхъ помѣщать возможно большее количество бѣдняковъ, не знавшихъ, гдѣ поделонить свои горемычныя головы. До Щировскаго только два человѣка, стоявшіе, впрочемъ, внѣ семинарскаго Правленія, обратили свое вниманіе на тѣ смрадныя гнѣзда, въ которыхъ двигались и томились сотни двѣ человѣческихъ жизней. Одинъ изъ этихъ людей былъ, извѣстный

¹⁾ См. Екат. Епарх. Вѣд. 1872 г. №№ 14—16, 1874 г. №№ 11—13, 1876 г. № 9.

уже намъ, преосвященный Гавріиль, а другой, ревизовавшій
 Екатеринославскую Семинарію ректоръ Академіи, знаменитый
 впослѣдствіи архіепископъ Иннокентій. Первый, горячо прини-
 мавшій къ сердцу дѣла Семинаріи и часто посѣщавшій самъ
 семинарскія зданія, не разъ замѣчалъ, кому слѣдуетъ, о тяжелой
 жизни въ камерахъ учениковъ училища и Семинаріи и прини-
 малъ разныя мѣры къ улучшенію этой жизни. Тогдашній ин-
 спекторъ Семинаріи, Кутузовъ, написалъ разъ въ недѣльномъ
 докладѣ о состояніи Семинаріи, что «въ комнатахъ воздухъ
 не всегда ровный отъ неисправной топки, у нѣкоторыхъ нѣтъ
 бѣлья, а грязное валяется подъ кроватями; что имъ сдѣлано
 замѣчаніе, кому слѣдуетъ, о топкѣ, а старшимъ приказано
 смотрѣть за опрятностію». На этомъ докладѣ преосвященный
 написалъ слѣдующее: «всѣ изложенные недостатки и я видѣлъ
 (можетъ быть потому Кутузовъ и донесъ объ этомъ Гавріилу)
 и больше еще видѣлъ. Не могутъ оныя отвращены быть, если
 Правленіе Семинаріи попеченія своего объ ученикахъ не ут-
 вердитъ постоянно на правилахъ устава Семинарій—рѣшиться
 на полезное и не отмѣнять уже никогда. Вотъ мои мысли,
 кои сообщаемы были и прежде. Безъ сего всегда будетъ тоже,
 что на водѣ писать». Слова преосвященнаго Гавріила были
 совершенно справедливы. Онъ и самъ, совѣтуя, внушая и
 приказывая, по-видимому, писалъ на водѣ. Черезъ годъ послѣ
 указаннаго замѣчанія Гавріила былъ на ревизіи Екатерино-
 славской Семинаріи ректоръ Кіевской Академіи Иннокентій.
 Послѣ этой ревизіи академическое Правленіе написало семи-
 нарскому Начальству слѣдующее: «О. ректоръ Академіи, архи-
 мандритъ Иннокентій, довелъ до свѣдѣнія академическаго Прав-
 ленія, что, обозрѣвая въ минувшемъ маѣ, іюнѣ и іюлѣ духовно-
 учебныя заведенія Кіевского округа, онъ замѣтилъ во многихъ
 училищахъ, особенно низшихъ *большой недостатокъ чистоты
 воздуха и опрятности какъ въ классическихъ, такъ и жилыхъ*
»

*ученическихъ комнатахъ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ даже самыя зданія найдены имъ въ непопозволительномъ запущеніи— съ разбитыми стеклами, съ обвалившеюся штукатуркою и безъ примичныхъ классическихъ партъ, между тѣмъ, при осмотрѣ училищныхъ суммъ, въ иныхъ училищахъ оказывалось значительное количество остаточныхъ денегъ». Хотя въ этомъ обвиненіи не поименованы ни одна Семинарія и ни одно училище, но мы можемъ сказать положительно, что Екатеринославскія семинарско-училищныя зданія, однѣ изъ первыхъ стояли въ ряду обвиняемыхъ. Академическое Правленіе, очевидно, по нѣкоторой деликатности не хотѣло назвать виновныхъ по именамъ. Правленіе Семинаріи такъ и поняло дѣло. Немедленно имъ сдѣлано было постановленіе: «*позаботиться о чистотѣ воздуха, сдѣлать форточки или вентиляторы, исправить стекла и парты*». Мы не знаемъ, сдѣлано-ли то, что постановлено и если сдѣлано, то какъ сдѣлано. Но знаемъ одно, что съ этого времени, т. е. съ 1836 г. по 1844-й не сказано въ Правленіи ни одного слова о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ текла семинарская жизнь. Это разумѣется произошло не отъ того, чтобы въ этомъ не было нужды, а скорѣе отъ того, что подобныя вещи никому не входили въ голову. Съ 1844 г. особенною заботливостію на этомъ поприщѣ отличался семинарскій врачъ Щировскій. Сначала бился онъ за больницу, для улучшенія которой онъ пожертвовалъ одинъ разъ 500 руб. ассиг., а въ другой 165 руб. Но потомъ онъ обратилъ вниманіе на всѣ жилия зданія. Мы видѣли уже, какъ онъ требовалъ очистить въ вакаціонное время всѣ классныя и жилия комнаты. Въ этомъ отношеніи, очевидно, онъ стоялъ выше семинарскаго Начальства; по крайней мѣрѣ онъ дѣлалъ то, что можно было сдѣлать. Въ 1847—1848 гг. онъ опять приступаетъ къ семинарскому Начальству съ требованіями, клонившимися отчасти къ сбереженію здо-*

ровья учениковъ, жившихъ въ гнилыхъ семинарскихъ зданіяхъ, отчасти къ прекращенію зарождавшихся уже болѣзней. Указанные годы были особенно нездоровы. Воспаленіе глазъ, лихорадки, холера и катарральныя болѣзни—слѣдовали одиѣ за другими. Въ это время Щировскій посѣщала уже, какъ видно, не одну больницу, но и жилия комнаты. Послѣ одного такого посѣщенія онъ подалъ въ Правленіе Семинаріи бумагу слѣдующаго содержанія: «вчерашняго числа, посѣщая старую бурсу, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ уѣздныхъ училищъ страдаютъ зернистымъ воспаленіемъ и сдѣлали распоряженіе объ отсылкѣ оныхъ въ семинарскую больницу. Принимая въ соображеніе весеннюю погоду, важность болѣзни и многочисленность воспитанниковъ, опасаясь, чтобы эта болѣзнь не сдѣлалась заразительною. Донося о семъ семинарскому Правленію, я покорнѣйше прошу сдѣлать по сему предмету слѣдующее распоряженіе: 1) позволить мнѣ осмотрѣть всѣхъ безъ исключенія учениковъ училищъ какъ казенныхъ, такъ и квартирныхъ; 2) за недостаткомъ помѣщенія въ больницѣ, очистить одну изъ камеръ бурсачныхъ, въ которой бы можно было пользоваться глазныхъ больныхъ; 3) здоровыхъ размѣстить удобнѣе и воспретить имъ всякое сообщеніе съ больными; 4) снабдить какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ достаточнымъ количествомъ полотенецъ, чтобы каждый больной имѣлъ свое собственное полотенце; 5) для надзора за больными назначить надежнаго старшаго; 6) здоровымъ же воспитанникамъ внушить чистоту, опрятность и частое промыванье глазъ комнатною водою—раза четыре въ сутки».

Въ архивныхъ дѣлахъ Правленія не видно, какое распоряженіе послѣдовало по запискѣ неутомимаго врача. Но зато, послѣ всего изложеннаго нами, видно какъ нельзя яснѣе, что съ покупкою дома Неласси никому не стало лучше. Страшная тѣснота, грязь и всевозможныя неудобства господ-

ствовали на каждомъ шагу и по всѣмъ зданіямъ, принадлежавшимъ Семинаріи. Разница въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ заключалась во 1-хъ, въ томъ, что съ запусѣніемъ мѣстъ Жмелева и Синельникова, семинарскія зданія сгруппировались въ одномъ мѣстѣ, на большей нынѣшней улицѣ, или, какъ теперь говорятъ, на Екатеринославскомъ проспектѣ и во 2-хъ, въ томъ, что прежде духовные воспитанники тѣснились и бѣдствовали только въ деревянныхъ зданіяхъ, по старому выраженію Правленія, *въ деревянныхъ семинарскихъ ветхостяхъ*, а теперь жались и тряслись не только въ деревянныхъ, но и въ каменныхъ ветхостяхъ. Легче ли бѣдствовать, тѣсниться и терять здоровье въ каменныхъ зданіяхъ, чѣмъ въ деревянныхъ, мы не беремса судить; объ этомъ нужно бы спросить у тѣхъ, на долю которыхъ выпало счастье испытать подобное сравненіе на собственной своей кожѣ. Мы думаемъ даже, что во все время отъ 1823 г. семинарское и училищное бѣдствованіе, грязь, тѣснота, духота и холодъ никогда, по-видимому, не достигали такой высокой стѣпени, какъ именно въ періодъ господства Одома Неласси. Это случилось по причинамъ, которыя изложены будутъ ниже.

Читатели благоволятъ припомнить, что когда, по настоянію Щиrowsкаго, переносили больницу изъ флигеля на дворѣ Жмелева въ круглую бурсу на дворѣ семинарскомъ, то Правленіе помѣстило въ томъ страшномъ флигелѣ 20 бурсаковъ, а за неимѣніемъ помѣщенія для другихъ выслало на вольныя квартиры нѣсколько человекъ изъ полнобазенныхъ и полуказенныхъ учениковъ училища; эта высылка однако же не всегда была выгодна для семинарской экономіи, и уже со всѣмъ тяжела для высылаемыхъ бѣдныхъ учениковъ, такъ какъ, при всей тогдашней дешевизнѣ, все таки трудно было прожить на 22 р. 84 к., отпускаящихся на полного училищнаго бурсака, и еще труднѣе было полубурсаку прожить на 11 руб.

42 коп. Между тѣмъ, въ 1847 г. на семинарское Правленіе легла новая забота. Признавъ, вѣроятно, окончательно бесполезнымъ владѣть обширными пустырями, все еще слывшими подъ именами дворовъ Жмелева и Синельникова, съ нѣкоторыми сгнившими зданіями, Правленіе рѣшилось наконецъ продать эти мѣста, вынесши напередъ съ тѣхъ дворовъ то, что могло пригодиться—или какъ матеріаль для кладки фундамента или какъ матеріаль для топки. Обстоятельство продажи этихъ мѣстъ мы не знаемъ хорошо, такъ какъ нѣкоторыя дѣла изъ семинарскаго архива пропали совсѣмъ неизвѣстно когда и неизвѣстно куда. Только по экономическимъ отчетамъ можно было узнать кое-что о продажѣ излишнихъ семинарскихъ дворовъ. По ревизіи отчетовъ, производившейся въ 1848 г. за 1847 г., стоитъ приходомъ за этотъ послѣдній годъ слѣдующая статья: *отъ продажи двухъ участковъ семинарской земли получено 400 р.* Добавочныя свѣдѣнія къ этому заключаются въ томъ, что при окончательномъ разрушеніи зданій, бывшихъ на проданныхъ дворахъ, вынута и перевезено въ Семинарію 8000 кирпича и 2 сажени камня. Изъ двухъ какихъ-то, оставшихся еще построекъ,—одна снесена въ Семинарію на разныя поправки и подѣлки, а другая отдана въ уплату за перевозку первой. Такъ безславно закончили свое существованіе эти обширные, но жалкіе пріюты бѣдныхъ воспитанниковъ Семинаріи и училища. Они существовали около 25 лѣтъ и слѣдовательно воспитали 13 поколѣній. Живые изъ этихъ поколѣній, разумѣется, хорошо помнятъ о своей жизни въ дворахъ Жмелева и Синельникова; позднѣйшія поколѣнія знаютъ о нихъ только по разговорамъ и преданіямъ; изъ новыхъ поколѣній едва-ли кто-нибудь знаетъ о нихъ. Еще нѣсколько лѣтъ—и старые дворы съ ихъ старыми именами исчезнутъ совсѣмъ изъ памяти тѣхъ, которые учатъ и учатся въ новомъ зданіи Семинаріи, при новыхъ

условіяхъ, неизвѣстныхъ ихъ дѣдамъ и отцамъ. Выручка отъ продажи двухъ семинарскихъ участковъ, по нашему времени, слишкомъ ничтожна. По описямъ семинарскаго имущества значится: дворъ Жмелева 122¹/₂ саж. длин., 46 саж. шир.; дворъ Синельникова 142 саж. длин., 66 саж. ширин. За такія мѣста въ наше время можно бы взять безъ сомнѣнія несравненно дороже, но время на время не походить и винить семинарское Правленіе за дешевую продажу мѣстъ мы не имѣемъ никакого права. Мы думаемъ, что Правленіе во всѣхъ отношеніяхъ поступило хорошо, продавши вышеозначенные дворы. Оно не будетъ теперь всякій разъ возвращаться къ своимъ сгнившимъ зданіямъ, какъ песь на свою блевотину, и не будетъ болѣе искать въ нихъ помѣщенія для тѣхъ, кому не достанетъ мѣста въ зданіяхъ на дворахъ—старомъ-семинарскомъ и новомъ-Неласси. Запасныя конуры исчезли и изъ наступающей тѣсноты нужно будетъ искать какого-нибудь другаго выхода.

Впрочемъ, на первое время Правленіе Семинаріи не думало о какомъ-нибудь выходѣ изъ угрожавшей ему тѣсноты и намъ рѣшительно не понятно, какъ, послѣ продажи извѣстныхъ намъ мѣстъ, оно размѣстило тѣхъ 20 ч., которые жили до сего времени на проданныхъ мѣстахъ. Не видно ни изъ чего, чтобы Правленіе жаловалось на какія-нибудь новыя неудобства. Вѣроятно, въ это время искусство размѣщенія достигло своего полнаго совершенства.

Но вотъ наступилъ 1849 г. послѣ годовъ всякаго рода болѣзней и несчастій—цынги, лихорадокъ, холеры и друг. и въ семинарское Правленіе потокомъ полились прошенія о принятіи на казенное содержаніе, или о принятіи въ казенные дома съ платою за содержаніе; кромѣ просителей изъ Екатеринбургской епархіи явились просители изъ другихъ епархій. Правленіе рѣдко кому отказывало и никого отъ себя

не гнало. Не даромъ въ прошеніяхъ величали его „*милостивое семинарское Начальство*“. Оно вполне заслужило это названіе и въ этомъ высокая нравственная черта семинарскаго Начальства того времени, добраго стараго времени, вплоть до совершившейся въ наше время семинарскаго реформы. Но эта нравственная черта стараго времени не всегда сопровождалась благоразумною осмотрительностію и потому плоды ея иногда оказывались гнилыми. Въ 1849 г., сказали мы, поступило въ Правленіе множество прошеній о принятіи на казенное содержаніе и Правленіе рѣдко кому отказывало. Но за то сдѣлалось физически невозможно помѣщаться въ существовавшихъ зданіяхъ Семинаріи. Экономъ Семинаріи тогда же донесъ Правленію, что принятыхъ на казенное содержаніе множество; отъ чего тѣснота невообразимая; при этомъ есть комнаты, которыя зимой совсѣмъ не отапливаются (почему, — объ этомъ никогда не писалось), вслѣдствіе чего ученики должны выносить чрезвычайные холода; между тѣмъ лѣтомъ должна происходить въ жилыхъ и класныхъ комнатахъ страшная духота. Въ виду этого, экономъ предлагалъ нанять отъ Семинаріи для помѣщенія одной части учениковъ домъ Дьяковскихъ. Это — тотъ домъ, что выходитъ на большую улицу, почти противъ новаго семинарскаго дома. Въ настоящее время онъ принадлежитъ адвокату Остроухову. До послѣдней поры этотъ домъ выглядывалъ неблагообразнымъ и разрушающимся, а теперь подчистился, примазался, принарядился и глядитъ какъ будто настоящимъ порядочнымъ домомъ. Въ какомъ положеніи былъ онъ въ то время, когда въ первый разъ нанимали его для Семинаріи, теперь трудно сказать. Но домъ былъ нятъ за 285 р. 71 к. по контракту на три года. Всего интереснѣе въ этомъ случаѣ во 1-хъ то, что семинарскія зданія въ это время извергли изъ себя цѣлыхъ 100 человекъ; значить эти 100 помѣщались тамъ, гдѣ они не могли

помѣщаться; во 2-хъ то, что въ домѣ Дьяковскихъ семинарское Начальство сочло возможнымъ помѣстить 100 человекъ. Обстоятельство это, по-видимому, указываетъ, что и съ переходомъ 100 человекъ въ домъ Дьяковскихъ тѣснота продолжала господствовать и въ зданіяхъ Семинаріи и въ нанятомъ домѣ Дьяковскихъ, иначе въ этомъ послѣднемъ не помѣстили бы такъ много хотя бы то и мальчиковъ.

Но тѣснота помѣщеній была не единственнымъ зломъ, поражавшимъ семинарское Начальство. Деревянные зданія на старомъ дворѣ, построенныя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, съ каждымъ годомъ ветшали, гнулись и гнили. Въ 1846 г. поправка одной только столовой обошлась въ 1017 р. Въ 1853 г. экономъ Семинаріи докладывалъ Правленію, что въ бурсацкомъ деревянномъ корпусѣ слѣдуетъ укрѣпить желѣзными болтами продольныя стѣны, которыя *критко вогнулись внутрь и угрожаютъ паденіемъ*; кромѣ того, добавлялъ экономъ, нужно починить баню, гдѣ осѣлся одинъ уголь, исправить печи, сдѣлать поправки въ квартирѣ ректора, каменномъ флигелѣ, больницѣ и сторожкѣ, да съ улицы заборы поддержать, потому что эти заборы совсѣмъ обваливаются. На все это потребовалось расходовъ до 1500 руб. Казалось бы, что въ такихъ зданіяхъ, которыя гнили и гнулись и которымъ очевидно грозила судьба зданій на дворахъ Жмелева и Синельникова, казалось бы, говоримъ мы, въ такихъ зданіяхъ невозможно было дальнѣйшее помѣщеніе учениковъ; не помѣщать новыхъ, а выводить помѣщенныхъ — вотъ чего мы вправѣ ожидать, зная состояніе семинарскихъ помѣщеній. Но Правленіе Семинаріи съ давнихъ поръ пріучилось сжиматься; въ полуразрушающихся зданіяхъ оно нашло нѣсколько пустыхъ угловъ и рѣшилось набить эти углы живыми существами.

Въ 1853 г. оканчивался трехлѣтній срокъ найма дома Дьяковскихъ; экономъ Семинаріи, безъ сомнѣнія, свѣдома сво-

его Начальства, вошелъ въ это время въ Правленіе запиской слѣдующаго содержанія: «въ семинарской экономіи нѣкоторыя зданія остаются нынѣ безъ всякаго употребленія (вотъ какой просторъ!), именно: 1) нижній этажъ больницы (разумѣйте подземелье), въ коемъ въ 1851 г. помѣщалось 20 учениковъ казеннокоштныхъ, въ теченіе настоящаго года былъ празденъ, а между тѣмъ отапливается собственно для поддержанія теплоты въ верхнемъ этажѣ (значить, жалъ собственно дровъ); 2) большой деревянный корпусъ на второмъ семинарскомъ дворѣ (Неласси), по перенесеніи изъ онаго бібліотеки въ каменный корпусъ, тоже остается безъ всякаго назначенія, тогда какъ этотъ корпусъ, при незначительныхъ на передѣлку онаго издержкахъ, по прилагаемой при семъ сметѣ, не превышающихъ 70 руб. сер., можетъ служить хорошимъ помѣщеніемъ для двухъ приходскихъ классовъ, — которые со многими неудобствами помѣщаются въ домѣ Дьяковскихъ, занимаемомъ полубурсаками; 3) двѣ комнаты каменнаго флигеля, занимаемаго инспекторомъ училищъ, іеромонахомъ Наеанаиломъ, тоже безъ стѣсненія (это черезъ дверь-то) могутъ быть обращены въ жилье для полубурсаковъ съ истеченіемъ каникулъ». Для большей убѣдительности прибавлялось, что въ нижнемъ этажѣ дома Дьяковскихъ господствуютъ сырость и тяжелый воздухъ. Правленіе поступило согласно заявленію эконома. Наемъ дома прекращенъ и бурсаки опять водворены на своей родной землѣ, въ такихъ удобныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ разумѣется не будетъ ни сырости, ни тяжелаго воздуха. Впрочемъ, словамъ не всегда можно вѣрить, да кромѣ того не слѣдуетъ и забывать извѣстной поговорки, что людямъ свойственно ошибаться. Вотъ, наприм., въ 1853 г. говорилось, что въ бурсацкомъ деревянномъ корпусѣ нужно скрѣпить желѣзными болтами продольныя стѣны, которыя крѣпко вогнулись внутрь и угрожали паденіемъ, что сдѣлавши что, нужно, можно быть

покойнымъ; какъ сказали, такъ и сдѣлали. Но въ 1855 г. писалось: «по причинѣ ветхости этого самаго зданія, въ комъ стѣны, въ 1853 г. скрѣпленныя желѣзными болтами, крѣпко вогнулись внутрь, такъ что при ежегодной поправкѣ на оныхъ смазки, они не держатъ глины, отъ чего въ камерахъ зимою бываетъ очень холодно,—можно опасаться, дабы не послѣдовало какое-либо значительнѣе поврежденіе въ самомъ зданіи (очевидно хотѣли сказать, чтобы не обвалились стѣны), особенно во время сильныхъ вѣтровъ; а потому, говорилъ экономя, долгомъ поставлю и проч. Скрѣпленіе болтами стѣны, чтобы предупредить разрушеніе стѣны—была простая человѣческая ошибка. Такою же ошибкою мы можемъ считать и предположеніе эконома, что бурсакамъ лучше будетъ жить въ нѣкоторыхъ семинарскихъ углахъ, чѣмъ въ домѣ Дьяковскихъ. Углы эти не были конечно лучше остальныхъ помѣщеній, иначе они не стояли бы одно время праздны, а каковы были всѣ другія помѣщенія, мы уже видѣли и увидимъ далѣе.

Въ 1854, 55, 56 годахъ вотъ какія пѣсни тянуло Правленіе Семинаріи: для предотвращенія холода нужно задѣлать 12 оконъ (отъ чего не всѣ?—еще теплѣе было бы) въ столовой и училищномъ корпусѣ, а въ библиотекѣ подрѣзывать потолокъ обвѣсивъ тремя колоннами». На это потребовалось 425 руб. «На главномъ (названъ такъ вѣроятно потому, что тамъ были главные семинарскія развалины) семинарскомъ дворѣ до 50 звеньевъ забора ветхи, 2 крыльца при деревянномъ бурсацкомъ корпусѣ полуразрушились, *потолочныя балки въ семинарской столовой обвѣсились, въ каменномъ флигелѣ 8 рамъ мѣтлицъ сгнили*, въ училищныхъ классахъ не достаетъ 6 партъ, 10 печей и 1 очагъ вовсе негодны». На все это требовалось 500 руб. По поводу развивавшейся между учениками въ 1856 г. тифозной горячки, извѣстный врачъ Ши-

ровскій подалъ въ Правленіе Семинаріи репортъ весьма поучительнаго свойства для тѣхъ, которые могли поучаться. Между причинами развитія страшной болѣзни среди учениковъ, врачъ считаетъ, между прочимъ, тогдашнія семинарскія зданія: «жилое строеніе отъ долговречности (построено 40 лѣтъ назадъ) ветхо, основные вѣтви онаго, бѣжи половыя и потолочныя, а также урлы гнили, едва держатся въ своихъ концахъ. Въ комнатахъ постоянная, никогда не уничтожающаяся сырость... вода въ комнатахъ замерзаетъ толстымъ слоемъ... Классныя камеры также холодны и сыры. Воспитанники постоянно терпя невыгоды отъ холода или сырости въ жилыхъ камерахъ, не имѣютъ ни малѣйшей возможности согрѣться въ классъ и столовой». Никто такъ ясно не говорилъ о негодности семинарскихъ помѣщеній, какъ Щуровскій. Правленіе, волею-неволею, должно было согласиться съ нимъ и отерывать свои поразительные недостатки. Въ своемъ представленіи къ его преосвященству, подтверждая слова врача, оно писало: «наружная смазка и внутренняя штукатурка лишаются своей липкости и отстаютъ, отъ чего дождливая погода производитъ въ камерахъ постоянную, ни отъ чего не уничтожающуюся сырость; классныя камеры, хотя и недавней постройки, но сдѣланныя изъ матеріала стараго, оставшагося отъ ломки старыхъ семинарскихъ строеній, также холодны и сыры». Больничное помѣщеніе отличалось тѣми же достоинствами. Щировскій выражается о немъ коротко и ясно: «въ больницѣ холодъ страшный». Что это выраженіе нисколько не преувеличено, видно изъ того, что заступившій мѣсто Щировскаго З. И. Стрѣльцовъ доносилъ Правленію, что въ больницѣ зимой 5+ или 6+ Р., что тамъ нѣтъ теплаго отхожаго мѣста, отъ чего происходятъ постоянныя простуды и возвратныя болѣзни; полы некрашенныя, почему нельзя содержать оныя въ чистотѣ, а мыть—такъ сырость. Мы не

думаемъ, чтобы въ домѣ Неласси было много лучше. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, тамъ помѣщалось 3 класса Семинаріи, 70 казеннокоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи, квартира инспектора, семинарская бібліотека и держалась свободно одна зала, гдѣ совершалась Всенощная. О холодѣ же въ этомъ домѣ извѣстно всѣмъ, кто тамъ училъ и учился. Таковы были семинарскія помѣщенія съ 50-го г. Все это сказано нами для того, чтобы провѣрить, насколько были вѣрны предположенія эконома, будто въ семинарскихъ пустыхъ углахъ ученикамъ будетъ жить лучше, чѣмъ въ наемномъ домѣ Дьяковскихъ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ было сыро и душно. Однакожъ семинарское Правленіе сдѣлало согласно съ заявленіемъ эконома; пустые семинарскіе углы были заткнуты.

Въ виду всего сказаннаго, нужно удивляться, что семинарское Начальство питало какую-то слѣдую и безсознательную любовь къ своимъ старымъ тряпкамъ, какъ нищій къ своей сумѣ. Въ 1855 г. генераль-губернаторъ южнаго края, графъ Строгановъ просилъ Екатеринославское епархіальное Начальство уступить семинарскія зданія подъ военный госпиталь. Нельзя себѣ представить, какой переполохъ произвела въ семинарскомъ Начальствѣ подобная просьба графа Строганова. Правленіе всею грудью стало противъ покушенія на ея сокровища и, какъ мать, крѣпко любящая, защитило свое любимое дитя, которому грозила страшная опасность. Такая любовь конечно похвальна, но она была въ данную минуту слѣпа. Даже высшее духовное Начальство предписало епархіальному архіерею отдать зданія подъ раненыхъ солдатъ, если въ другой разъ будутъ требовать этого. Но въ другой разъ не потребовали и семинарская сума осталась цѣла и невредима. По нашему мнѣнію, Правленіе должно было уступить свои помѣщенія при первомъ же требованіи. Не говоря

уже о нѣкоторомъ гражданскомъ долгѣ, къ которому Правленіе не могло оставаться равнодушнымъ, въ виду общихъ бѣдствій Россіи, оно отъ передачи своихъ помѣщеній подъ госпитали, могло только выиграть и ничего рѣшительно не могло проиграть. Военные госпитали окончательно сокрушили бы разрушавшіяся зданія Семинаріи и тогда высшее духовное Начальство, волею-неволею, должно было бы принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры по устройству Семинаріи:—или приступить къ постройкѣ новыхъ зданій или отпустить деньги для найма квартиръ, что во всякомъ случаѣ было лучше прозябанія среди грязи, холода, тѣсноты и духоты. Но семинарское Начальство настояло на своемъ и въ Семинаріи потянулась прежняя бѣдная и тяжелая жизнь, полная всякаго рода лишеній.

Наконецъ случайное, по видимому, обстоятельство произвело значительную перемѣну въ положеніи Семинаріи. Въ 1856 г., по случаю войны, Мариупольское духовное училище было на время закрыто и учениковъ закрытаго училища приказано было отправить въ Екатеринославъ. Само собою понятно, что въ семинарскихъ зданіяхъ нельзя было найти помѣщенія для тѣхъ, которые имѣли прибыть изъ Мариуполя. По этому обстоятельству въ представленіи къ преосвященному Леониду Правленіе Семинаріи написало: «бурсацкое зданіе Екаторинославскаго училища, какъ оказалось по осмотру онаго вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, по ветхости, гнилости и ни отъ чего не уничтожающейся сырости вовсе негодно къ помѣщенію въ ономъ воспитанниковъ, и что для бурсаковъ Екаторинославскаго училища и имѣющихъ прибыть изъ Мариупольскаго училища, помѣщенія для которыхъ въ сыромъ, тѣсномъ и для здоровья вредномъ зданіи не имѣется,—необходимо нанять домъ и т. д.». Къ этому подоспѣла холера и неутомимый Щировскій не опустилъ случая указать на

семинарскія зданія, какъ на причину, отъ которой развивается болѣзнь между воспитанниками Семинаріи и училища. Тогда Правленіе, съ разрѣшенія епархіальнаго Начальства, обратилось къ академическому Начальству съ просьбою разрѣшить наемъ квартиръ для тѣхъ, которые не могли помѣститься въ семинарскихъ зданіяхъ. Въ отвѣтъ на это академическое Правленіе предписало семинарскому—освидѣтельствовать помѣщенія училищныя и своекоштныхъ и войти въ соображеніе, не лучше-ли будетъ для нихъ нанять общія квартиры, въ томъ предположеніи, что при такомъ помѣщеніи содержаніе воспитанниковъ будетъ обходиться дешевле. Исполняя предписаніе академическаго Правленія, семинарское Начальство осмотрѣло опять (въ какой это разѣ) вмѣстѣ съ архитекторомъ семинарскія зданія. Скоро изъ Строительнаго Отдѣленія была прислана въ Семинарію бумага съ слѣдующимъ отзывомъ: по осмотрѣ архитекторомъ Денисенко училищнаго дома оказалось, «что онъ деревянный, построенъ болѣе 40 лѣтъ; хотя уже по ветхости своей былъ исправляемъ выправкою покосившихся стѣнъ—сжимами, болтами, но по мѣрѣ сотлѣнія частей дерева, стѣны онаго не обѣщаютъ прочности, равно какъ косяки дверныя и оконныя, крыша, покрытая дранью совершенно сотлѣла, частію дрань осыпалась, отъ чего при дождѣ во многихъ мѣстахъ бываетъ сильная течь, внутри полы худые; при томъ строеніе это зимой холодное, оно къ перестройкѣ негодно, капитальное исправленіе онаго будетъ бесполезно, кромѣ неизбѣжнаго временнаго поддержанія таковаго до неопредѣленнаго времени, въ которое предполагается построить за Семинарію новое зданіе. Для временнаго поддержанія этого зданія требуется перекрыть крышу новою дранью, съ перемѣною согнившихъ рѣшетинъ, потому что исправить ее невозможно, ибо къ гнилой драни прибавить новой нельзя безъ поврежденія пер-

вой; затѣмъ слѣдуетъ исправить окна, потолоки, крыльца, двери, перемостить полы и исправить печи». Итакъ, что жъ оставалось дѣлать? Очевидно, — нанять квартиры. Для этого осмотрѣны и найдены годными два большихъ дома: домъ Фавицкихъ (нынѣ Женское Духовное Училище) и домъ Никотина (нынѣ церковный, гдѣ временно помѣщаются ученики духовнаго училища). Но Правленіе нашло эти квартиры очень дорогими и ограничилось полумѣрами: наняли опять домъ Дьяковскихъ за 300 р. (прежде говорили, что тамъ въ нижнемъ этажѣ сырость и духота), а между тѣмъ рѣшились починить то, что архитекторъ призналъ починять бесполезнымъ. Какой-то плотникъ взялся сдѣлать всѣ передѣлки, указанные въ отношеніи Строительнаго Отдѣленія за 900 р., но взявшись за работу, скоро бросилъ ее, а ученики продолжали прозябать на прежнемъ основаніи. Въ 1858 г. опять сдѣланъ былъ осмотръ зданія съ архитекторомъ Достоевскимъ, какъ будто Правленіе хотѣло узнать, не поправилось-ли зданіе за прожитое время. Къ чему повелъ этотъ осмотръ, въ дѣлахъ архива мы не нашли, а между тѣмъ нужно было что-нибудь предпринять. Въ 1859 г. истекало новое трехлѣтіе найма дома Дьяковскихъ и семинарское Начальство наняло его еще на три года — опять по 300 руб. въ годъ. Кромѣ того изъ дѣлъ семинарскаго архива видно, что къ тому времени нанимался еще другой домъ, домъ Никифорова по 240 р. въ годъ (нынѣ домъ Товбичъ), съ какаго времени, мы ни какъ не могли доискаться. Все остальное было по старому, т. е. жили въ сгнившихъ зданіяхъ. *(Продолженіе будетъ).*

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Далматъ.
Редакторы — сотрудники { А. Ржевскій.
Я. Степановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Записка о Екатеринославской Семинаріи.

Дозволено цензурою. 13-го мая 1876 года.

10 № Епарх. Вѣд. сдать на почту 17 мая. Печ. въ Тип. Я. М. Чаусскаго.

